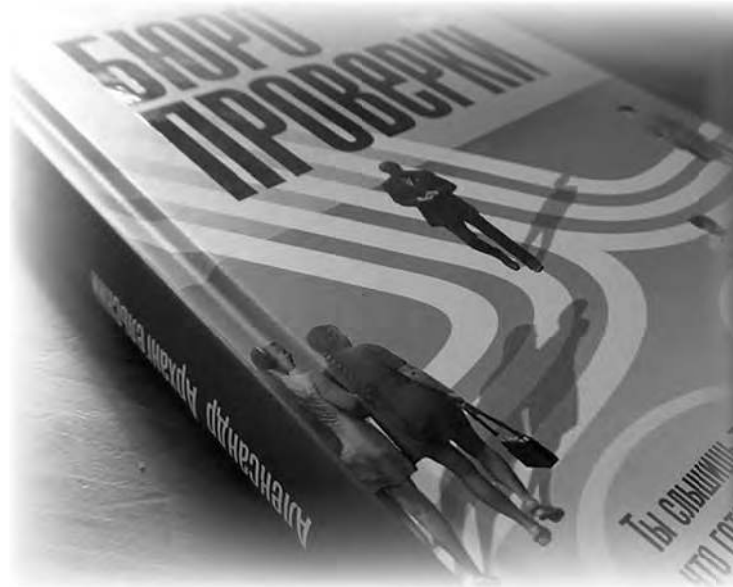

Александр Архангельский

«БЮРО ПРОВЕРКИ»

Редакция Елены Шубиной

Вообще, она любила телевизор, знала всех телеведущих, разговаривала с ними. Сияющему диктору Кириллову мама отвечала со смешком: спасибо, Игорь Леонидович, порадовал; если на экране появлялся журналист-международник Каверзнев, шепелявый, сдобный и печальный, мама замирала от восторга: «А-а-а, так во-о-от в чем дело, Александр Александрович, поня-ятно». Обозревателю Бовину, похожему на перевишего бульдога, она всегда внимала молча, потрясенная его нечеловеческим умом.

Тем более ей нравилось открытие Олимпиады. Спортсмены со знаменами, солидное начальство в пиджаках с большими металлическими пуговицами. Шамкающий Брежнев, старенький уже, смешной, ему бы на пенсию, внуков тешкать, только кто его, несчастного, отпустит...

...Она и впрямь пришла в кокетливой рижской беретке, с торчащей пимпочкой, похожей на твердый сосок. И в хорошо протертых синих джинсах с диковинным лейблом на попе. Такие было не достать у спекулянтов и даже в валютной «Березке»; это ей оттуда привезли...

Если бы Александр Архангельский был более искусным писателем, то книгу, наверное, стоило срочно купить и прочесть. По крайней мере, из-за уважения к его многочисленным и явным достоинствам: отмечен премиями журнала «Литературное обозрение» (1984), «Литературной газеты» (1990), журналов

«Знамя» (1996), «Новый мир» (1996), «Дружба народов» (1997).

Член Союза российских писателей (сентябрь 1991 года). Член жюри русского «Букера» за 1995-й. Академик-учредитель (1997) и президент (1997–1999) Академии русской современной словесности. Член Административного совета Букеровской премии (1999–2002). Член жюри премии имени Аполлона Григорьева (2005), литературной премии «Большая книга» и «Русской премии» (2006). Член Академии российского телевидения с 2007 года. Финалист конкурсов «ТЭФИ-2005» и «ТЭФИ-2006»...

А так можно ограничиться аннотацией.

На дворе 1980 год. Москва переживает волнительное время Олимпиады. Вокруг снуют электрички, шумные улицы полнятся народом, жизнь кипит и бьет ключом. Казалось бы, вот она — настоящая советская идиллия. Но не всем живется хорошо в стране победившего коммунизма.

Алексей Ноговицин получает таинственную телеграмму, из-за которой вынужден вернуться из стройотряда. Следующие дни главного героя пройдут в бесконечных метаниях. Найдется место и любовной истории, и допросам КГБ, и даже религиозным вопросам. Кажется, сама судьба проверяет Ноговицина на прочность...

Покуда судьба проверяет Ноговицына на прочность, зевающий от скуки читатель рискует вывихнуть себе челюсть. Но даже эта пошлость: сосок, торчащий пимпочкой, — не воспаляет текст.

Весь талант Александра Николаевича этим членством, увы, похоже, и ограничен. Хочется даже как-то пошутить: с таким счастьем и на свободе!

У Александра Николаевича все хорошо. И поэтому он — плохой писатель. Ничем иным, кроме унылой скуки, его роман не отмечен.

Вот если бы Александр Николаевича выгнали с телевидения и отобрали почетный диплом лауреата журнала «Литературное обозрение», то все могло бы быть или не быть иначе. Но мы, по крайней мере, получили бы «Записки из подполья», а не очередного дежурного лауреата, имя которого забывается быстрее, чем закрывается последняя страница его романа.

Грустно!

Игорь Михайлов

«ПРОСТО БОГУ — НЕ ШЕПЧУТ, БОГУ КРИЧАТ»

/ 12 /

Александр Архангельский. БЮРО ПРОВЕРКИ

Я вернулся в пустое купе (моим попутчикам пришлось сойти в Рязани), снял тяжёлые и неудобные очки, протёр холщовой тряпочкой царапанные линзы: стёкла дорогие, цейссовские, пана где-то раздобыл по благу, их пора бы поменять, только где сейчас достанешь новые? Откупорил прохладное пиво; этикетка на бутылке отлетела и сползла, как перводная картинка. Выложил картошку на промокающую газету, а курицу на жирный целлофан, серой горкой насыпал кристаллическую соль. Посмотрел с вожделением; вспомнил, что перед едой не помолился. Вздохнул, пробормотал скороговоркой: «...ястие и питие рабом Твоим...» Вот теперь совсем другое дело. Благодарь. Правда, жарко и душно, как в бане, зато перекреститься можно, не скрываясь. Всю дорогу приходилось складывать пальцы шепотью и солить еду крест-накрест, чтобы никто не заметил. И крестик я на всякий случай подколол с изнанки, под кармашек. Мало ли какой попутчик попадётся; донесёт — проверят документы, сообщат в Московский императорский университет (в восьмидесятом стало модно так его именовать), и доказывай потом, что ты не верблюд. Нет; бережёного Бог бережёт.

Только что прошла обвальная гроза, и за окнами сверкала зелень, а там, в степи, всё было плоское и жёлтое, от деревьев тянулись облезлые тени. Баракы из серого шифера были сколочены наспех, стёкла в окнах заменял полиэтилен, и всё время уныло зудела мошка. Мы ходили в марлевых накидках, защищая от гнуса не только лицо, но и уши, и шею; откинуть марлю было невозможно, у курильщицков на месте рта образовались никотиновые пятна. В воздухе висели чёрные гудящие шары, вдоль бараков